

„Послание дворительное недругу“ носят черты социальной сатиры. В первой половине XVII века, в эпоху городских движений, оно было злободневным памфлетом, повидимому переписывавшимся и распространявшимся. Наряду с „Азбукой о голом и богатом человеке“, „Послание“ раскрывает принижено-бесправное положение человека из народа, разоблачает классовую несправедливость и бичует пороки приказно-бюрократического аппарата государства. Лихоимство представлено в нем в форме займа. Если брал займы человек, стоящий на феодальной лестнице выше дающего, то это часто было равносильно пропаже одолженного. Народные пословицы оставили нам четкие следы типичности подобных случаев: „Сильнее себя займы давать — добро терять“ (Даль). Даже о торговых расчетах с сильным предостерегает пословица: „Большому барину добро отдай, а деньги после“ (Даль). И дело здесь именно в социальной дистанции: „Что не лучше (больше) барин, то хуже долг платит“ (Даль).

Это отношение народа к „сильным“ должникам и раскрывается подробно во второй части послания.

В контраст обидчику в сатире дан образ разоренного человека, хотя, может быть, и не соответствовавший подлинному положению данного челобитчика.

В третьей части (строки 37—46) снова ставится вопрос о взяточничестве, но в другой его форме — в виде „гостинцев“.

Гостинцами обменивались тогда во всех слоях русского общества. И этот стародавний обычай русских людей тоже нередко использовался как форма взятки. „В Послании“ речь идет именно о посулах под видом гостинцев. Послание издевается над неразборчивостью адресата („ты все обреешь“). Слово „обреть“ на Урале до настоящего времени бытует как эмоциональное выражение, обозначающее — быстро съесть, сожрать дочиста. Взятчик не придерживается порядка, не знает чувства меры в своих претензиях на посулы („чести не знаешь“). Взятчик может даже оскорбиться на малые размеры взятки. У взяточника приходится смиренно выпрашивать сроки, чтобы придумать взятку. Издевка здесь идет не только над явлением взяточничества, но и над самой его формой: „И мы, как думаем, и тебе что-нибудь пошлем“.

Приглашая этого взяточника в гости, автор уже открыто издевается:

Да пожалуй к нам в гости ни ногою,
И мы тебя не ждем,
И ворота запираем.
А хлеб да соль у нас про тебя на воротах...

(Смысл последнего выражения: „Поцелуй пробой, да ступай домой“). Изображаются издевательски заботливые хлопоты о месте и условиях сна для „дорогого“ гостя. Такая тема и такая сатирическая ситуация получают свой исторический смысл на фоне жалованных грамот посада XVI—XVII веков, в которых посадским людям наряду с различными экономическими и юридическими правами давалось, например, право не впускать воеводу и приказных на посадские пиры и братчины.

Литературно-художественные особенности „Послания“ ведут нас также к крестьянско-посадской сатире XVII века. „Послание“ появилось на почве живого и образного народного языка, причем оно использовало и фразеологию устного народного творчества той поры. Послание строится на языке, типичном для затейливых скоморошских речей с их иронической двуплановостью, с неожиданными переходами